

Янь Цина пробрала дрожь до самых костей. Потеряв голову от страха, он взмолился:

— Что делать, что делать...

Система была в таком же замешательстве: [Что делать, что делать...]

Янь Цин процедил сквозь зубы:

— Это ведь ты говорила, что все в порядке! И зачем только я поверил твоей болтовне!

Система в своем пространстве превратилась в маленького напуганного перепела, обхватив крылышками пушистую головку, и запричитала: [Программа обновилась, я же не могла этому помешать...]

Янь Цин не стал ее слушать. Придя в себя, он бросился в заднюю часть павильона.

Система спросила: [Хозяин, вы куда?]

— Глупый вопрос! Конечно, делать ноги!

В такой ситуации только и оставалось, что бежать, иначе его ждала неминуемая расправа.

Система издала неопределенный звук, а в следующее мгновение увидела нечто такое, от чего зашлась в истошном крике.

Янь Цин вздрогнул:

— Что еще за шум?

Голос Системы дрожал: [Главный герой... главный герой идет сюда!]

Едва она договорила, как снаружи послышались приближающиеся шаги, а затем в дверь павильона неспешно постучали.

Спина Янь Цина мгновенно одеревенела, волосы на затылке встали дыбом, а ноги приросли к месту.

В следующую секунду из-за двери отчетливо донесся голос Чу Сюньчжоу:

— Это свадебное платье Мы велели сшить специально для Великого наставника. Неужели оно вам не по душе? Зачем же вы пытаетесь его снять?

В голове Янь Цина словно что-то взорвалось. Он не сразу смог осознать услышанное и в прострации переспросил Систему:

— Как... как он меня назвал?

Система: [Ве-великий наставник.]

Тело Янь Цина сработало быстрее разума: он едва ли не на карачках бросился в глубь покоев, напрямик к окну.

[Хозяин, вы собираетесь прыгать?]

Янь Цин:

— А куда мне еще деваться?

Система хотела сказать, что прыжок из окна его не спасет, но, видя, что Янь Цин близок к нервному срыву, не решилась лишать его последней надежды.

Янь Цин распахнул окно и тут же впал в еще большее отчаяние.

Снаружи стояли двое стражников.

— Господин Му...

Янь Цин не стал их слушать и с грохотом захлопнул створки.

Он огляделся по сторонам, но не увидел ничего, что могло бы ему помочь.

Теперь бежать было действительно некуда.

С тяжелым сердцем он вернулся во внутренние покои и, окончательно отчаявшись, залез на кровать, забившись в угол и обхватив колени руками – только так он чувствовал себя хоть в какой-то безопасности.

Когда его дыхание немного выровнялось, он, скрежеща зубами, устроил допрос Системе:

— Когда я раскрылся? Отвечай!

Система затрепетала от страха: [Возможно, вероятно, скорее всего... в самый первый день вашего возвращения?]

— В первый день?

Янь Цин, обхватив голову руками, пытался вспомнить, что же тогда произошло, и вдруг его осенило...

Он произнес с недоверием:

— Тот старый хрен, государственный наставник?

Система промолчала.

Янь Цину стало совсем не по себе.

Значит, все эти дни Чу Сюньчжоу наблюдал за его ужимками, как за выступлением балаганного шута? Смотрел, как он самодовольно радуется успехам, и все это время просто развлекался, держа его за дурака?

Тем временем низкий, хриловатый голос Чу Сюньчжоу продолжал звучать за дверью:

— Что же вы прячетесь, Великий наставник? Мы ждали пять лет, прежде чем вы наконец вернулись. Мы и так души в вас не чаем, с чего бы Нам причинять вам вред?

«Смотря в каком смысле ты собрался „души не чаять“», – подумал Янь Цин.

Он не проронил ни слова, лишь еще сильнее вжался в угол кровати, не сводя глаз с закрытой двери.

В голове крутилась только одна мысль...

«Конец. На этот раз я точно доигрался».

Чу Сюньчжоу сохранял спокойствие, словно играл в кошки-мышки.

— Если Великий наставник не выйдет сам, Мы войдем внутрь.

Янь Цин дрожал в углу, пытаясь убежать от реальности.

Но реальность не собиралась его отпускать.

Спустя несколько мгновений раздался оглушительный грохот – Чу Сюньчжоу одним ударом выбил дубовую дверь, казавшуюся Янь Цину такой надежной.

Он уже успел переодеться в алое, и теперь медленно вошел в комнату. Остановившись перед кроватью, он посмотрел на юношу сверху вниз с едва заметной пугающей улыбкой.

— Великий наставник, сколько лет, сколько зим.

Янь Цин слишком поздно сообразил, что место для укрытия он выбрал крайне неудачное.

Видя, что Чу Сюньчжоу уже опустился коленом на край постели, он наконец нашел путь к отступлению и попытался скатиться с другой стороны кровати.

Но как только он оказался у самого края, чья-то рука крепко схватила его за лодыжку, и в следующий миг его с силой швырнули обратно на ложе.

От удара у него искры из глаз посыпались. Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя и встретился взглядом с бездонными глазами Чу Сюньчжоу.

Тот неспешно перебирал прядь его черных волос, спускавшуюся на грудь, а затем поднес ее к лицу и вдохнул аромат. В уголках его глаз промелькнуло пугающее удовольствие.

— Неужели Великому наставнику нечего Нам сказать?

Янь Цин весь напрягся и попытался отползти назад, непрерывно качая головой:

— Нет.

Что он мог сказать? Его прикрытие было уничтожено полностью.

Он отступал, а Чу Сюньчжоу наступал на него. Кровать была небольшой, и вскоре Янь Цин оказался прижат к самому углу.

Взгляд Чу Сюньчжоу потемнел, голос оставался нежным, но в нем слышалась леденящая душу угроза:

— У Великого наставника нет слов, а у Нас есть. Мы хотели спросить: раз уж вы вернулись, почему не открылись Нам?

Голос Янь Цина дрожал, но говорил он быстро:

— Я ведь уже однажды умер. Разве не ужасно, когда мертвец возвращается к жизни? Я просто

боялся тебя напугать и не хотел мешать твоей новой жизни, поэтому...

Чу Сюньчжоу рассмеялся. Его длинные пальцы нежно коснулись щеки юноши, а голос стал тихим, как шепот любовника:

— Моей новой жизни? Разве Великий наставник до сих пор не понял? Вся Наша дальнейшая жизнь – это вы.

Янь Цин замер, его мозг на мгновение отключился. Смысл этих слов был слишком очевиден, притворяться дурачком больше не получалось, и он лишь сбивчиво твердил:

— Это неправильно, неправильно... Я ваш наставник, вы не можете меня любить, как вы можете...

Чу Сюньчжоу сжал его плечи, не давая ни единого шанса на побег, и с притворным огорчением спросил:

— Хотите, чтобы Мы больше вас не любили?

Янь Цин поспешно закивал:

— Госпожа Цзян такая замечательная, красивая, из знатной семьи, вы ведь выросли вместе. Нет никого, кто подошел бы вам лучше.

Пока он говорил, Чу Сюньчжоу молча смотрел на него. Когда Янь Цин наконец закончил, тот вздохнул и тихо произнес:

— Плохо. Никто не может быть лучше Великого наставника.

Не видя иного выхода, Янь Цин в отчаянии бросил:

— В таком случае, хотя бы не называй меня больше Великим наставником!

Чу Сюньчжоу пристально посмотрел на него, и спустя долгое время его губы растянулись в странной улыбке:

— Не называть вас наставником?

— Что ж, не будем. Будем называть вас Цин-Цин, идет?

По коже Янь Цина пробежали крупные мурашки.

Все-таки он Первый министр-регент целой страны, как можно быть настолько беспринципным!

«Какой еще Цин-Цин, чтоб тебя!»

Чу Сюньчжоу, не обращая внимания на его сопротивление, придвинулся еще ближе, а его рука легла на талию юноши.

Янь Цин тут же представил себе нечто ужасное, его зрачки расширились, а кадык невольно дернулся:

— Ты... что ты собираешься делать?

Чу Сюньчжоу негромко рассмеялся и выпрямился, глядя на него сверху вниз.

— Наша свадьба через три дня. Всё, что Мы собираемся делать, случится тогда. Чего же ты так боишься, Цин-Цин?

<http://bllate.org/book/18143/1740373>